

4. Hambly B. The man who loved his craft // Lovecraft H. P. The Transition of H.P. Lovecraft: The Road to Madness. – NY: Ballantine Books, 1996. – P. vii-x.
  5. The Handbook to Gothic Literature / Ed. by M. Mulbey-Roberts. – NY: New York Univ. Press, 1998. – 294 p.
  6. Антонов С. А. Роман Анны Радклиф «Итальянец» в контексте английской «готической» прозы последней трети XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2000. – 22 с.
  7. Tsur R. Aspects of Cognitive Poetics // <http://cogprints.esc.soton.ac.uk>
  8. Белехова Л. И. Лингвокогнитивные механизмы формирования новообразов (на материале современной американской поэзии) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. – Харків: Константа, 2005. – № 649. – С. 9-12.
  9. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. – Chicago; L.: The Univ. of Chicago Press, 1989. – 230 p.
  10. Kövescses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – Oxford: Oxford University press, 2002. – 287 p.
  11. Воробійова О. П. Когнітивна поетика: здобутки і перспективи // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2004. – Вип. № 635. – С. 18-22.
  12. Белехова Л. И. Лингвокогнитивные механизмы формирования новообразов (на материале современной американской поэзии) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Серія: Романо-германська філологія. – Харків: Константа, 2005. – № 649. – С. 9-12.
  13. Turner M. The Literary Mind. The Origins of Thought and Language. – NY, Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. – 187 p.
- Джерела іностративного матеріала**
1. (BC)=Poe E. A. The Black Cat // По Э. Избранное: Сборник / Сост. Е. К. Нестерова. – М.: Радуга, 1983. – С.261-270.
  2. (Berenice)=Poe E. A. Berenice // По Э. A. The Complete Stories / With an introd. by John Seelye.– L.: Campbell, 1992. – P. 128-135.
  3. (MC)=Poe E. A. The Man of the Crowd // По Э. Избранное: Сборник / Сост. Е. К. Нестерова. – М.: Радуга, 1983. – С. 158-167.
  4. (BW)=Bierce A. Beyond the Wall // The Complete Short Stories of Ambrose Bierce / Comp. E. J. Hopkins. – Lincoln and L.: Univ. of Nebraska Press, 1984. – P. 193-201
  5. (HV)=Bierce A. The Haunted Valley // The Complete Short Stories of Ambrose Bierce / Comp. E. J. Hopkins. – Lincoln and L.: Univ. of Nebraska Press, 1984. – P. 117-126.
  6. (JMF)=Bierce A. John Morton's Funeral // The Complete Short Stories of Ambrose Bierce / Comp. E. J. Hopkins. – Lincoln and L.: Univ. of Nebraska Press, 1984. – P. 87-89.
  7. (Hypnos)=Lovecraft H. P. Hypnos // <http://www.dagonbytes.com/thelibrary/lovecraft.htm>.
  8. (LF)= The Lurking Fear // The Transition of H. P. Lovecraft: The Road to Madness. – NY: Del Rey Book, Ballantine Books, 1996. – P. 126-148.
  9. (Street)=Lovecraft H. P. The Street // The Transition of H. P. Lovecraft: The Road to Madness. – NY: Del Rey Book, Ballantine Books, 1996. – P. 22-26.

Югай Е. Ф.

ВОЛОГОДСКИЕ ПОХОРОННЫЕ ПРИЧЕТЫ: К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОБЩЕРУССКОГО И ЛОКАЛЬНОГО В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

Проблемы анализа фольклорного текста активно обсуждаются в современной лингвистике. Различные подходы к интерпретации языковых единиц фольклорного текста предлагаются в работах И. А. Осовецкого, А. П. Евгеньевой, А. В. Десницкой, П. Г. Богатырева, А. Т. Хроленко и ряда других исследователей. Неоднозначность восприятия языкового своеобразия текстов устного народного творчества отразилась и в лексикографических источниках: некоторые из них на равных основаниях включают в качестве иллюстраций фрагменты фольклорных текстов различных жанров (среди словарей, фиксирующих вологодскую лексику, это «Словарь русских народных говоров» и «Словарь областного вологодского наречия П. А. Дилакторского»). Другие (например, «Словарь вологодских говоров»), напротив, избегают фольклорных иллюстраций. Поэтому обращение к соотношению общерусского и диалектного в текстах устного народного творчества актуально не только в связи с решением собственно проблем фольклористики, но и в ракурсе целого спектра лингвистических проблем.

Вопросы соотношения общерусского и диалектного в фольклорном тексте, как правило, обращены к анализу текстов ограниченного числа жанров: сказок или эпических песен (былин). В нашей статье представлен материал, мало исследованный в этом аспекте. Это тексты вологодских погребальных причитаний, записанных на территории бытования различных диалектных объединений северного наречия [5, с. 210-211]. Многие из них ранее включались в сборники и хрестоматии; наиболее полным собранием текстов этого жанра следует считать публикации музыковеда Б. Б. Ефименковой [4], а также сборники материалов экспедиций Вологодской школы традиционной народной культуры (ШТНК) [2; 3].

Вопрос о соотношении бытовой речи диалектоносителей и языка фольклорно-художественных текстов, как мы уже говорили, не имеет однозначного толкования. Так, академик В. В. Виноградов считал, что «квинтэссенцией народного языка является словесно-поэтическое творчество народа, фольклор. Устная народная словесность – кристаллизация семантики народного языка. Поэтому народная поэзия нередко рассматривается как воплощение основных тенденций системы народной речи, основных начал народного духа» [Цит. по: 6, с. 157]. Нам кажется удачным определение языка фольклора как «диалекта в его эстетической функции», данное П. Г. Богатыревым. [1, с. 106]. Такая интерпретация позволяет считать, что язык фольклора отличается от диалекта в его коммуникативной функции, но определяется той территорией, на которой функционирует.

В текстах погребальных причитаний вологодского края можно выделить ряд черт, безусловно относящихся к числу локально ограниченных явлений лексического и грамматического уровней. Наиболее ярко диалектные черты представлены на уровне фонетики (хотя запись текстов, приближенная к орфографической, не позволяет комментировать их в полном объеме). Это явления в области ударного (*лисеньки*) и безударного вокализма (*роздуйте, теплое*), особенности качества согласных (*ишиио, креишченые, руценьки*), их позиционных и комбинаторных изменений (*повост, жалосью*).

В тех же текстах можно выделить ряд диалектных слов различных типов. Это собственно лексические диалектизмы: *пересмякнуть* «побледнеть, измениться в лице» (*Пересмякло-то ли... ох ...чико* [СВГ 7, с. 44]), *стювать* «уговаривать, увещевать» (*Ой, не стювайте, подруженьки! Ой, не стювайте жо, милые!* [СВГ 10, с. 150]), *забусеть* «заплесневеть» (*О-е-ей, все забусиют окошечки!* [СВГ 2, с. 97]); лексико-словообразовательные: *ишница* «шиповник» (*Ой, все у первого бережку! Ой, ведь ишница колючая* [СВГ 12, с. 90]), *росстанюшка* «расставание» (*Ой, час приходит росстанюшки* [СВГ 9, с. 66]); лексико-фонематические: *корминец* «кормилец» (*да мой корминец ты батюшко!* [СВГ 3, с. 105]), *молонья* «молния» (*с молоньями сверкучили* [СВГ 4, с. 90]), лексико-семантические: *любой* «любимый» (*Ой, все любье подруженьки* [СВГ 4, с. 60]), *бодро* «красиво, нарядно» (*Не бодр'о нареди... ох ...ласе!* [СВГ 1, с. 35]), и некоторые другие. Все эти слова

отмечаются в «Словаре вологодских говоров» как диалектные и иллюстрируются текстами бытового содержания, записанными на тех же территориях, что и исследуемые нами причитания.

В фольклорных текстах фиксируются диалектные грамматические особенности имени существительного (*Ой, позабыли ведь матерю...* [4, с. 100], *В божею церкву* [4, с. 169]), имени прилагательного (*Ой, без родимые мамушки!* [4, с. 91], *Ой, без тебя, родна мамушка!* [4, с. 91], *Ой, да до смерти до самые!*, *Ой, во огады широкия* [4, с. 104]), глагола (*находится* [4, с. 103], *стосковалися* [4, с. 90], *Ой, полны чашки прост'оены*, *Ой, сухи ложки пролежены* [4, с. 106]) и других частей речи, а также синтаксические явления, свойственные вологодским говорам северного наречия (*Ой, чтобы люди-ти добрые*, *Ой, мой-от голос не слышали* [4, с. 91], *высокой-от терем-от*, *Ой, посади-коте с'естрицу*, *Ой, на дубовую лавочку!* [4, с. 97]).

Можно сделать вывод, что особенности речи диалектоносителей широко проявляются в текстах устного народного творчества. Вместе с тем в этих текстах столь же многочисленны разноразличные языковые явления, маркированные жанром причети и ритуалом ее исполнения, а также фольклоризмы более широкого употребления.

Рассмотрим эти явления на примере того, как представлено в тексте похоронных причитаний новое место обитания усопшего и его новое состояние. Для их номинации и характеристики используются специальные народно-поэтические формулы, слова с аффиксально маркированной коннотативной семантикой (*смеретка*, *смеретушка*, *смеретушка*, *смертка*, *смертонька*; *могилушка* [4, с. 120, 137 и др.], *могилюнька* [4, с. 114, 148], *оградушка* – кладбище [СВГ 6, с. 25]), а также устойчивые эвфемистические слова и сочетания слов (*дом*, *домик*, *домовищечко* [4, с. 112], *горенка* [4, с. 95, 103 и др.], *терем*, *светлица* [4, с. 114, 147 и др.] в значении «гроб»). На стыке общерусского и диалектного находятся слова *погост* и *буево* в значении «кладбище». Первое из них относится к общерусскому лексическому фонду и первоначально обозначало «постоялый двор, на котором временно останавливались князь и духовные лица» (от *погостить*, *гость*), позже служило для наименования церковной общины, прихода, церкви с жилыми постройками и, наконец, кладбища при церкви [Фасмер, 3, с. 295]. Специализация слова *погост* для обозначения кладбища неодинаково оформилась в различных русских говорах. Так, в речи сельских жителей Вологодчины для названия кладбища при церкви сохраняется слово *буево* (*буево-то на погосте ране было*, Тарн., у церкви на буеве мы молодые гуляли, Арх. Вельск. [СВГ 1, с. 48]), тогда как *погостом* (*повостом*, *повосом*) по-прежнему продолжает именоваться комплекс церковных строений (*В повост-от мы по воскресеньям да праздникам ходили*, Тарн., как воскресенье наступит, так все с ребятишками на повос идем, службу батюшкину слушать, Вож. [СВГ 7, с. 85]) или населенный пункт с церковью, а также центр села (*В платье-то этом только на повост и хожу*, К-Г. [СВГ 7, с. 85], ср. также: *Демьяновский погост*, *Илезский погост*, *погост Рождество* и проч.).

В качестве языковых черт, обусловленных жанровой спецификой погребальных причитаний, назовем также различный рода параллельные синтаксические конструкции, ориентированные на анафорический повтор (*Ой, недорослую травоньку*, *Ой, недоцветлого цветика*, *Ой, незрелую ягоду!* [4, с. 90]), на повтор сегментов середины фразы (*Я горюшница го... ох ...ркая, да Во севоднишну те... ох ...мну ночь да Я спала, высъта... ох ...ласе, я...* [4, с. 157]), а также на грамматически организованную эпифору (*Ой, со громами громучими*, *Ой, с молоньями сверкучими...* / *Ой, прилети, стрела пламучая...* [4, с. 107]). Все они служат для ритмизации, структурного оформления текста погребальных причитаний.

Перечисленные явления в комплексе создают уникальный текст севернорусской причети, который, с одной стороны, маркирован территориально, а с другой, определен жанрово-стилистически.

Литература

1. Богатырев П. Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 106-116.
2. Древо жизни: сборник материалов по традиционной культуре Верхоявского района. Выпуск 1. – Вологда: Легия, 2004. – С. 61-71.
3. Древо жизни: сборник материалов по традиционной культуре Тарногского района. Выпуск 2. – Вологда: Легия, 2004. – С. 34-59.
4. Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Волог. обл.) [Исслед. и тексты]. – М.: Советский композитор, 1980. – 392 с.
5. Русская диалектология: Учеб. для студентов пед. ин-тов / Под ред. Л. Л. Касаткина. – М.: Просвещение, 1989. – 224 с.
6. Хроленко А. Т. Современная отечественная лингвофольклористика: цели, проблемы, перспективы // Русистика сегодня. Функционирование языка: Лексика и грамматика / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1992. – С. 153-166.

Список принятых сокращений

1. Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1991.
2. Диалекторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Диалекторского 1902 г. – СПб.: Наука, 2006.
3. СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 12. – Вологда: Русь, 1983 – 2007.
4. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-38. Л.; СПб., 1965-2004.
5. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: Астрель; АСТ, 2004.

Южакова О. І.

АБРЕВІАТУРНИЙ ТИП МИСЛЕННЯ ІНЖЕНЕРА (НА МАТЕРІАЛІ ТЕРМІНОЛОГІЇ ХОЛОДИЛЬНОЇ ТЕХНІКИ)

Питання про кількість типів мислення, крім загальноновизнаних видів (теоретичного і практичного, аналітичного та інтуїтивного тощо), сьогодні залишається дискусійним. Відомо, наприклад, що залежно від типу концептуально-категоріальної мисленнєвої діяльності виокремлюють художнє, технічне, математичне мислення; залежно від особливостей вживання мовних знаків розрізняють метафоричний, ономазіологічний, еліптичний, аббревіатурний мисленнєвий тип. Аббревіатурне мислення визначається як здатність людської свідомості рефлексувати аббревіатурні структури мови та оперувати ними як одиницями лінгвокреативного рівня [1, с. 11].

Отже, у статті проаналізований зв'язок між аббревіатурним типом мислення і творенням аббревіатур, тобто між діяльністю людини і вторинною вербалізацією, що являє собою процес творення у нашому випадку терміна-аббревіатури на підставі вже вербалізованого поняття (терміна у вигляді слова чи словосполучення). Завдання